

**THE RUSSIAN SLAVISTS' TRAVELS TO SLAVIC LANDS AND
ITS ROLE IN THE CREATING OF RUSSIAN SLAVISTICS AT THE
FIRST HALF OF THE NINETEENTH CENTURY**

Key words: Russian slavistics, slavists; travels to Slavic lands; the Department of World history; departments of Slavic languages and literatures.

The article is based on the archival materials characterized some travels of Russian slavists to Slavic lands at the first half of the nineteenth century. It shows the peculiarities of the first romantic period in the history of Russian slavistics. It stresses the role of «slavic question» when the doctrine named «orthodoxy, autocracy and nationality» was forming.

Е.В. Колесова

**ФОРМЫ ПОДГОТОВКИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
МИССИОНЕРСКОГО ПРОТИВОБУДДИЙСКОГО
(МОНГОЛЬСКОГО) ОТДЕЛЕНИЯ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – 1917 ГОД)**

Прослежено формирование системы подготовки квалифицированных преподавателей на миссионерском монгольском отделении Казанской духовной академии. Рассмотренные формы подготовки преподавательских кадров дают представление о контактах академии с востоковедными учебными заведениями России и уровне практической и научной подготовки преподавателей.

Ключевые слова: Казанская духовная академия; миссионерское противобуддистское отделение; миссионерское монголоведение; формы подготовки монголоведов-миссионеров.

Зарождение отечественного монголоведения связано с Казанью. В первой половине XIX века в Казанском университете преподавались и изучались языки, история, этнография и культурное наследие монгольских народов России и Центральной Азии. Формирование российской научной монголоведной школы связано с именем О.М. Ковалевского (1801-1878), более двадцати лет возглавлявшего в Казанском императорском университете первую в России и Европе кафедру монгольской словесности (1833-1854). Ликвидация восточного разряда Казанского университета в 1854 году фактически уничтожила успешно развивавшееся здесь университетское монголоведение.

Во второй половине XIX – начале XX века монголоведение в Казани сосредоточилось в Казанской духовной академии, где с 1846 года в миссионерских целях велось преподавание монгольского и калмыцкого языков. В 1854 году указом Синода в академии открылось специальное противобуддистское (монгольское) отделение, которое должно было готовить преподавателей миссионерских

предметов для академии и семинарий, а также практикующих миссионеров. Наряду с монгольским и калмыцким языками вводилось преподавание религии, истории, этнографии монгольских народов¹.

Первым преподавателем монгольского и калмыцкого языков в Казанской духовной академии был Алексей Александрович Бобровников, выпускник академии 1846 года. Как отмечают исследователи А.А. Бобровников (1822-1865) имел природные лингвистические данные. Его отец, иркутский протоиерей, в совершенстве владел литературным и разговорным монгольским языком, а также бурятским. Сам А.А. Бобровников, заканчивая курс духовной академии, писал: «...Ныне могу без затруднения читать книги на семи языках...»².

Практическое знание языков, приобретенное А.А. Бобровниковым еще в Иркутске, было дополнено теоретической подготовкой, которую он прошел у ведущих монголоведов Казанского университета - О.М. Ковалевского и А.В. Попова. В 1843 году студент первого курса А.А. Бобровников с разрешения академического начальства посещал университетские лекции по монгольскому языку профессора О.М. Ковалевского. В 1844-1846 годах, в связи с решением правления академии «через слушание университетских лекций из способных академистов подготовить ... наставников» для особых миссионерских кафедр, А.А. Бобровников уже официально занимался калмыцким языком с профессором А.В. Поповым и получал частные консультации О.М. Ковалевского³.

Краткий курс подготовки с университетскими профессорами и общение с ними сыграли важную роль в становлении А.А. Бобровникова как монголовед-языковеда – преподавателя и исследователя. В своей преподавательской деятельности он руководствовался филологическими, а не миссионерскими целями. Применяемые им методы в изучении языков были традиционно академическими и представляли чтение и перевод монгольских и калмыцких текстов с грамматическим и филологическим разбором по ходу занятия. Основными учебными пособиями являлись «Монгольская хрестоматия» и «Монгольско-русско-французский словарь» О.М. Ковалевского, а с 1850 года - «Грамматика монгольско-калмыцкого языка», написанная самим А.А. Бобровниковым⁴.

Не без влияния университетских профессоров научные интересы А.А. Бобровникова сформировались в области восточного языкознания, для которого язык был не средством, а целью изучения, и которое базировалось на глубоком знании восточных источников. А.А. Бобровникову принадлежит приоритет в изучении и издании калмыцкой поэмы «Джангар», перевод которой на русский язык с предисловием и примечаниями он сделал по поручению Русского географического общества в 1854 году. Важным явлением в изучении монгольских источников стали две статьи «О монгольских надписях на русских актах» (1861) и «Памятники монгольского квадратного письма» (1870)⁵, позволившие охарактеризовать А.А. Бобровникова «без сомнения даровитейшим из всех бывших у нас монголистов»⁶.

Признавая влияние, которое оказали на А.А. Бобровникова университетские профессора, в то же время неверно рассматривать его только как ученика А.В. Попова. А.А. Бобровников – самостоятельный оригинальный исследователь. Применяемые им методы в изучении монгольского и калмыцкого языков отли-

чаются от методов А.В. Попова, а сделанные выводы порой противоположны. Это наглядно показала «Грамматика монгольско-калмыцкого языка» (1849). Изданная через два года после «Грамматики калмыцкого языка» А.В. Попова (1847), она отличалась новизной, оригинальностью и методикой. В отличие от А.В. Попова, который отказался от сравнительно-сопоставительного метода и рассматривал калмыцкий язык изолированно от монгольского, (за что его критиковал О.М. Ковалевский⁷), А.А. Бобровников считал, что между этими языками существует внутренняя логическая связь, поэтому их следует изучать совместно. Изучение монгольского языка должно, по его мнению, предшествовать изучению калмыцкого, так как «из-за отсутствия отдельного калмыцкого словаря используется монгольский словарь, что требует знания особенностей монгольского письма и его отличий от калмыцкого»⁸.

Монгольско-калмыцкая грамматика А.А. Бобровникова имела еще одну особенность. В то время как калмыцкая грамматика А.В. Попова и учебные пособия по монгольскому языку, написанные Я.И. Шмидтом и О.М. Ковалевским, излагали книжный литературный язык, А.А. Бобровников положил в основу своего труда живой разговорный монгольский язык.

Грамматика А.А. Бобровникова, предназначенная для академии и семинарий с преподаванием монгольского и калмыцкого языков и практикующих миссионеров, продемонстрировала высокий уровень теоретической и практической подготовки молодого лингвиста. Стремление выявить и изложить внутреннюю логику монгольского языка потребовало от А.А. Бобровникова не только его хорошего знания, но также серьезной аналитической работы и нового подхода к исследуемому материалу. В последствии идеи и методы А.А. Бобровникова были развиты применительно к тюркским языкам⁹.

Уход А.А. Бобровникова из Казанской духовной академии в 1855 году и отсутствие у него учеников не обеспечили преемственности в преподавании здесь монгольского и калмыцкого языка. После перевода восточного разряда Казанского университета в Санкт-Петербург (1854) университетские профессора-монголоеды уже не могли оказывать помощь в подготовке преподавателей и влиять на развитие миссионерского монголоведения как в 1840-е годы. Первые тридцать лет своей деятельности (1855-1884) противобуддистское отделение из-за отсутствия преподавателей и студентов не выполняло основную задачу: обеспечивать себя преподавателями и готовить кадры со знанием языков для семинарий и миссионерской работы. Но даже в это трудное время для отделения в отдельные периоды на нем работали преподаватели, получившие специальное востоковедное образование.

В 1863 году в Казанскую духовную академию был направлен молодой выпускник Санкт-Петербургской духовной академии Василий Васильевич Миротворцев (1838-1891). Обучаясь в духовной академии, он одновременно посещал занятия на восточном факультете Санкт-Петербургского университета у известных монголоедов А.В. Попова и К.Ф. Голстунского. По окончании университетского курса В.В. Миротворцев выдержал экзамен «по предметам монголо-калмыцкого разряда восточного факультета: по монгольскому языку, истории монголов, калмыцкому языку, истории калмыков, татаро-джагатайскому наре-

чию, практическим занятиям в означенных языках»¹⁰. В 1869 году Совет Санкт-Петербургского университета утвердил его в степени кандидата монголо-калмыцкой словесности. В Казанской духовной академии В.В. Миротворцев преподавал монгольский и калмыцкий языки, метафизику буддизма¹¹. В.В. Миротворцев сформулировал основные направления и проблематику изучения буддизма, которые получили отражение в буддологических работах монголоведов академии: происхождение и историческая эволюция буддизма, история буддизма в Тибете, Монголии и среди российских калмыков и бурят. Главным предметом изучения, как считал В.В. Миротворцев, «должна быть внутренняя сторона буддизма – его онтологические, нравственные, космологические и обрядовые положения»¹². В 1872 году по причине кризисного состояния противобуддийского отделения и прекращения преподавания миссионерских предметов В.В. Миротворцев перешел на кафедру русской гражданской истории.

Возрождение монголоведения в Казанской духовной академии было связано с академическими уставами 1884 и 1910 годов, которые официально ввели в программу Казанской духовной академии миссионерские предметы, расширили круг их преподавания, определив, тем самым, важность миссионерского образования. Противобуддийское отделение заменялось монгольским отделом. В программу монгольского отдела входило изучение языков (монгольского, калмыцкого, бурятского, с 1911 года - тибетского), истории буддизма, монгольской и калмыцкой литературы, истории и этнографии монгольских народов, главным образом калмыков¹³.

В соответствии с уставом 1884 года на монгольском отделении были открыты две кафедры. Кафедру истории и обличения ламаизма, монгольского языка с бурятским наречием занимали В.В. Миротворцев (1884-1891), И.В. Попов (1892-1908), иеромонах Амфилохий (А.Я. Скворцов) (1911-1919). Вторая кафедра специализировалась на этнографии монгольских народов и распространения между ними христианства, калмыцкого наречия с общим филологическим обзором. Здесь работали М.С. Нефедьев (1886-1893), И.И. Ястребов (1898-1905), архимандрит Гурий (А.И. Степанов) (1906-1919). За исключением В.В. Миротворцева, все преподаватели монгольского отделения были выпускниками Казанской духовной академии.

Новые условия деятельности монгольского отделения потребовали наличия преподавательских кадров со специальным востоковедным образованием. В последней четверти XIX – начале XX века основной формой профессиональной подготовки преподавателей монгольского отдела стали командировки с образовательной и научной целью в столичные учебные заведения, в регионы проживания калмыцкого населения и на зарубежный Восток.

В соответствии с уставами 1884 и 1910 годов на монгольском отделении Казанской духовной академии был учрежден институт профессорских стипендиатов. Он позволял по окончании курса оставлять до двух человек наиболее способных студентов и готовить их к преподавательской деятельности. Руководство занятиями профессорского стипендиата поручалось преподавателю кафедры, при которой стипендиат оставлялся. Руководитель составлял план занятий, который затем рассматривался и утверждался Советом академии. Для приготовления к

преподавательской должности и написания магистерской диссертации разрешились научные командировки в российские и заграничные высшие учебные заведения¹⁴.

Первым профессорским стипендиатом монгольского отделения по кафедре калмыцкого наречия с общим филологическим обзором, этнографии монгольских народов и распространения между ними христианства стал Михаил Семенович Нефедьев (1859-1910). Его академическим руководителем был назначен В.В. Миротворцев. Выбор на М.С. Нефедьева пал не случайно. Родом из Астраханской губернии он закончил местную семинарию, где занимался монгольским языком. В период учебы в Казанской духовной академии М.С. Нефедьев изучал татарский язык.

Так как к монгольскому отделу были причислены языки и этнография народов Сибири, Приамурья и Забайкалья¹⁵, то преподавателю необходимо было иметь хотя бы самые общие представления об этих языках и народах. В дополнение Казанская переводческая комиссия в 1880-е годы занялась переводами православной литературы на корейский язык, для чего требовалось знание китайских иероглифов. Поэтому Совет академии направил М.С. Нефедьева на два года (1884/5 и 1886/7) в качестве вольнослушателя на факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета для занятий китайским, маньчжурским, монголо-калмыцким и татарским языками. Но главным занятием М.С. Нефедьева в университете должно было стать изучение монгольско-калмыцкого языка и этнографии монгольских народов. Он должен был ознакомиться с «пособиями для изучения наречий племен северо-восточной Сибири», изучить историю распространения христианства и переводов церковной литературы на калмыцкий язык¹⁶.

В Петербурге М.С. Нефедьев занимался монгольским и калмыцким языком с ведущими монголооведами того времени А.М. Позднеевым и К.Ф. Голстунским. Помимо официальных занятий в университете они давали М.С. Нефедьеву особые уроки на дому. На занятиях изучались монгольские переводы священных тибетских текстов и памятники калмыцкой исторической литературы¹⁷. В дополнение к монгольскому и калмыцкому языкам М.С. Нефедьев посещал занятия по бурятскому языку, которые вели И.И. Захаров и А. Доржиев, а также самостоятельно изучал якутский и алеутский языки¹⁸.

Через институт профессорских стипендиатов прошли все преподаватели монгольского отделения (за исключением И.В. Попова), вследствие чего они получили хорошую теоретическую и практическую языковую подготовку в специализированных учебных заведениях. На факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета под руководством профессора А.М. Позднеева в монгольском и калмыцком языках совершенствовались И.И. Ястребов (1892-1893), архимандрит Гурий (А.И. Степанов) (1906-1907), иеромонах Амфилохий (А.Я. Скворцов) (1910-1911). Гурий и Амфилохий помимо монгольского и калмыцкого занимались еще тибетским языком.

Профессорские стипендиаты монгольского отделения Казанской духовной академии получали языковую подготовку не только в Санкт-Петербургском университете, но и в Практической Восточной Академии. Практическая Восточная

Академия была создана в 1909 году при Императорском Обществе Востоковедения с целью подготовки лиц с «практическим знанием восточных языков и восточных стран для административной, консульской и торгово-промышленной службы и деятельности на восточных окраинах России и сопредельных с ней стран»¹⁹.

В 1912 году ее руководство предложило Синоду готовить для ведомства православного исповедания миссионеров, предназначенных «для руководства делом духовного просвещения в восточных епархиях»²⁰. Уже иеромонах Амфилохий во время научной стажировки в Санкт-Петербург в 1910-1911 году посещал занятия одновременно в университете и в Практической Восточной Академии. Рассмотрев предложение руководства Восточной академии, Совет академии признал «полезным ежегодно командировать в Практическую Восточную академию наиболее способных и прилежных студентов» и просил Синод выделить на это средства²¹. Совет академии принял решение направить с 1913-1914 учебного года в Практическую Восточную академию иеромонаха Гервасия (Малинина Г.В.) сроком на три года.

Последним профессорским стипендиатом монгольского отделения по кафедре калмыцкого языка, этнографии монгольских племен и истории распространения христианства был Василий Васильевич Машков, выпускник 1916 года.

Для овладения разговорным калмыцким языком, знакомства с религией и кочевым бытом калмыков профессорские стипендиаты проводили летние каникулы в калмыцких улусах Астраханской и Ставропольской губерний. Первым такую поездку в калмыцкие степи в 1846 году совершил А.А. Бобровников. Инструкция, которой он должен был руководствоваться в научных занятиях во время поездки, была составлена профессором кафедры монгольского языка Казанского университета А.В. Поповым. Он поставил перед А.А. Бобровниковым задачу из сравнительного языкознания: изучить разговорный калмыцкий язык, выявить различия между литературной и разговорной формами калмыцкого языка, выявить различия между калмыцким и монгольским языками. Кроме этого А.А. Бобровникову следовало ознакомиться с религией, обычаями и нравами калмыков²². Результаты трехмесячной поездки были изложены в отчете правлению академии от 20 декабря 1846 года. В первой части отчета А.А. Бобровников осветил вопросы, связанные с религиозным состоянием калмыков, их верования и суеверия, охарактеризовал положение калмыков, принявших христианство. Религиоведческая часть отчета о поездке в калмыцкие степи была напечатана в виде отдельной статьи уже после смерти А.А. Бобровникова в 1865 году²³. Вторая часть отчета представляла обзор филологических особенностей калмыцкого языка в сравнении с монгольским. В ней отразились научные интересы А.А. Бобровникова как лингвиста-монголиста.

Практика посылать профессорских стипендиатов и студентов в калмыцкие степи для практического овладения языком была продолжена в конце XIX – начале XX века. Отчеты М.С. Нефедьева за 1884/5 и 1886/7 учебные годы содержат материал о его пребывании в астраханских степях, в частности, в Багахуруловском хуруле Малодербетовского улуса. Желая изучить чисто народный калмыцкий язык, он никогда не брал проводниками русских или казаков, селился

в местах наиболее удаленных от русских поселений. Общаясь с местным духовенством, наблюдая его повседневную жизнь, М.С. Нефедьев составил описание религиозных обрядов калмыков. В дальнейшем его наблюдения были положены в основу лекции «Религиозное состояние современных калмыков», которую он читал студентам монгольского отделения²⁴.

Отчеты профессорских стипендиатов о поездках в калмыцкие степи свидетельствуют, что они изучали не только разговорный калмыцкий язык и религиозный быт калмыков. Ими был собран значительный этнографический и фольклорный материал. Фольклором астраханских калмыков занимался И.И. Ястребов. Народные песни, пословицы и сказки поволжских калмыков собирал М.С. Нефедьев. Амфилохием был собран этнографический материал о забайкальских бурятах.

Роль командировок в профессиональной подготовке преподавателей миссионерского монгольского отделения хорошо осознавалась руководством академии. В январе 1910 года архимандрит Гурий высказал мысль, что «...стоять в преподавании на уровне современности могут только те, кто ежегодно бывает в центрах процветания ламаизма и в местах, где слышится живая речь инородца. Если же не делать этого, то по необходимости придется самому и снабжать своих слушателей сведениями, имеющими свою свежесть десяти и двадцати лет назад»²⁵.

В 1911 году в программу предметов монгольского отделения академии был внесен тибетский язык. Необходимость его преподавания была связана с изучением ламаизма – религии российских калмыков и бурят. Основная каноническая литература этой формы буддизма была написана на тибетском языке. Она ввозилась из Тибета и Монголии и была доступна немногим. Преподаватели монгольского отделения пользовались популярными монгольскими и калмыцкими текстами, распространенными среди мирян. Вопрос о необходимости изучать ламаизм по тибетским, а не только монгольским и калмыцким источникам был поднят иеромонахом Амфилохием.

Амфилохий (Скворцов Александр Яковлевич) (1885-1937) – сын псаломщика из села Норваши Цивильского уезда Казанской губернии. После окончания академического курса в 1910 году он был оставлен профессорским стипендиатом по кафедре монгольского языка, истории и обличения ламаизма. Рекомендуя Амфилохия на кафедру, архимандрит Гурий отмечал не только «его редкое стремление к изучению языков и миссионерских предметов», но и подчеркнул его «способность к самостоятельному научному труду»²⁶.

С первого курса Амфилохий упорно занимался монгольским и калмыцким языком. На втором курсе он самостоятельно составил монгольско-калмыцкий словарь, который был гектографирован в качестве учебного пособия. В 1910-1911 годах, как профессорский стипендиат, Амфилохий прошел языковую подготовку под руководством профессора Санкт-Петербургского университета А.М. Позднеева. Когда встал вопрос о подготовке преподавателя тибетского языка, Амфилохий подал прошение о командировке в Монголию для его изучения. Отметив отсутствие российских и зарубежных научных трудов, в которых бы ламаизм исследовался полно и всесторонне, Амфилохий заключал: «не зная тибетско-

го языка и поставленный, таким образом, в затруднительное положение при изучении ламаизма, я считаю своим долгом донести...что...изучение ламаизма только тогда будет возможно, когда мною будет изучен кроме монгольского языка еще и тибетский язык»²⁷.

Совет Казанской духовной академии поддержал прошение Амфилохия. С разрешения Синода он был командирован «с ученой целью в Монголию». Основным местом пребывания Амфилохия стала Урга. Сохранившиеся отчеты Амфилохия о командировки в Монголию (1912-1914) позволяют представить, в каком направлении проходили его занятия. С помощью монгольского ламы он занялся изучением тибетского языка и метафизики буддизма на основе религиозной тибетской литературы, используемой в высших конфессиональных школах Монголии. Чтение тибетских религиозных текстов заставляло «вникать во все оттенки тибетской конструкции, усиливаясь понять трудные мысли, вдумываться в самые способы выражения мысли на тибетском языке...»²⁸. Кроме метафизики буддизма Амфилохий изучал космологию и этику ламаизма. Изучая тибетский язык и тибетскую религиозную литературу, Амфилохий продолжал совершенствоваться в монгольском языке. Особое внимание он уделил современному литературному языку, находя его «легче, изящнее и проще в выражениях и ближе к современному разговорному языку и потому понятнее»²⁹. Чтобы выяснить влияние ламаизма на монгольские массы, Амфилохий поселился в долине по реке Харе. Наняв юрту, он жил среди монголов, наблюдая их обычаи, нравы и быт. Желая познакомиться с обрядовой стороной монгольского буддизма, Амфилохий в течение месяца жил в монастырях Халхи, а на обратном пути в Россию посетил дацаны забайкальских бурят.

Применяемые в Казанской духовной академии формы профессиональной подготовки преподавателей монгольского отделения дают основание считать, что в начале XX века здесь были созданы предпосылки для дальнейшего развития миссионерского монголоведения. Успешная деятельность монгольского отделения побудила Синод расширить число духовных заведений с преподаванием восточных языков. По примеру Казанской духовной академии предполагалось открыть Сибирскую духовную академию с изучением китайского, японского, монгольского и тибетского языков. Однако в результате октябрьских событий 1917 года эти планы не были реализованы. Сама Казанская духовная академия была закрыта в 1919-1920 учебном году.

Примечания

¹ НАРТ. Ф.10. Оп.1. Д.1324. Л.89, 94.

² Цит. по: Валеев Р.М. Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в. – 20-е гг. XX в.). Казань: Изд-во КГУ, 1998. С.117.

³ НАРТ. Ф.10. Оп.1. Д. 243. Л. 6-а, 17.

⁴ НАРТ. Ф.10. Оп.1. Д.464. Л.46; Д. 1018. Л.6.

⁵ Джангар (народная калмыцкая сказка). Б.м., 1854. 30 с.; А.А. Бобровников. О монгольских надписях на русских актах. (Письмо к Вельяминову-Зернову) // Известия Императорского Археологического общества. СПб., 1861. Т.4. 17 с.; Памятники монгольского квадратного письма, объясненные А.А. Бобровниковым с дополнением В.В. Григорьева. СПб.: Тип. АН, 1870. С. 90.

⁶ Памятники монгольского квадратного письма. С. 89-90.

⁷ См.: Шамов Г.Ф. Профессор О.М. Ковалевский. Очерк жизни и научной деятельности. Казань: Изд-во КГУ, 1983. С.79.

⁸ НАРТ. Ф.10. Оп.1. Д.450. Л. 39.

⁹ Р.М. Валеев приводит письмо Н.И. Ильминского к В.В. Григорьеву (1854): «Саблуков предложил татарский синтаксис, принявший в основание порядок Бобровникова...». См.: Валеев Р.М. Из истории казанского востоковедения. С.27.; А.Н.Кононов отмечал, что «Грамматика алтайского языка», одним из авторов которой был Н.И. Ильминский, «в главных линиях своей структуры и истолкования основных положений зависела от идей и методов А. Бобровникова». См.: Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России: дооктябрьский период. 2-е изд. М., 1982, С.307.

¹⁰ НАРТ. Ф.10. Оп.1. Д.2581. Л. без №.

¹¹ Василий Васильевич Миротворцев (некролог). Казань, 1869, С. 9, 15.

¹² НАРТ. Ф.10. Оп.1. Д.6178. Л.13.

¹³ Устав и штат православных духовных академий 1884 г. Казань, 1884, с.26; Устав и штат православных духовных академий 1910 г. Казань, 1910, С.35-36.

¹⁴ Устав и штат православных духовных академий 1884 г. С.26-27; Устав православных духовных академий 1910 г. С.16-17.

¹⁵ Устав и штат православных академий 1884 г. Казань, 1884. С.25-26.

¹⁶ НАРТ. Ф.10. Оп. 1. Д.8004. Л. 1, 2 об.

¹⁷ Там же. Л.13.

¹⁸ Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1885 год. Казань, 1885. С.342-343.

¹⁹ НАРТ. Ф.10. Оп.1. Д.11099. Л. 2.

²⁰ Там же. Л.1.

²¹ Там же. Л.3.

²² НАРТ. Ф.10. Оп.1. Д. 450. Л. 3-6.

²³ Бобровников А.А. Очерк религиозного состояния калмыков // Православное обозрение. – СПб., 1865. Т.17, №7-8, С.335-352, 495-510.

²⁴ НАРТ. Ф.10. Оп.1. Д.8004. Л.19-20.

²⁵ НАРТ. Ф.10. Оп.1. Д.11042. Л.8 об.-9.

²⁶ НАРТ. Ф.10. Оп.1. Д.1142. Л.8.

²⁷ НАРТ. Ф.10. Оп.1. Д.11095. Л.2.

²⁸ НАРТ. Ф.10. Оп.1. Д.11095. Л. 21.

²⁹ Там же. Л.22.

E.V. Kolesova

THE FORMS OF SPECIAL TRAINING OF THE TEACHERS AT THE MISSIONARY ANTI-BUDDHISTIC (MONGOLIAN) DEPARTMENT IN THE KAZAN ECCLESIASTICAL ACADEMY (THE MIDDLE OF XIX CENTURY – 1917)

Key words: Kazan ecclesiastical academy; the missionary anti-buddhistic department; missionary study of Mongolian peoples; forms of training.

It is examined the system of special training of the teachers-mongolists missionary Mongolian department in the Kazan ecclesiastical academy. The selected forms of teachers-training give an idea about contacts Kazan ecclesiastical academy with leading oriental educational centers of Russia and high level of preparation of the academy teachers.